

ПАРИЖ — ЛОНДОН

Мы легли в Париж. Через несколько дней на сцене театра «Гранд-опера» начнутся гастроли Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

В Париже я была шесть лет тому назад. Мы были готовы тогда к выступлениям, все билеты были проданы задолго до нашего приезда. Ульянову, Дудинскую, Сергеева парижские зрители и журналисты знали по уличкам. Но посмотреть их удивительное искусство мы так и не успели. В то время одна из французских газет писала: «Правительство Франции увидело в ногах Ульяновой серьезную угрозу существующему порядку». Оно запретило нашим гастролы.

Париж по-прежнему красив, но я не заметила в нем никаких особых изменений по сравнению с тем, что было шесть лет назад.

Зато изменились парижане. И дело не в том, что парижанки теперь красят волосы в голубой, розовый или сиреневый цвета или носят парик, а в том, что француженки стали относиться к нам, представительницам Советской страны, еще лучше, еще теплее, еще уважительнее.

Два события определяют сейчас отношение французов к нам. Это поездка Никиты Сергеевича Хрущева по стране и походы в космос. Сегодня, пожалуй, сотня раз мне с сожалением приходилось отрицательно отвечать на вопрос:

А вы сами видели Гагарина?

Какой он? Это спрашивали рабочие парижских заводов и консерваторы, кинозвезды и промышленники. Это интересовало всех. И почти в каждой дружеской беседе с французами, а таких бесед у нас было множество, нам приходилось слышать: «Вот когда у нас был наш премьер, или «Этот было до приезда Хрущева», или «Это было после отъезда Хрущева».

Чувство гордости за свою Родину, за ее колоссальный авторитет, пришедшее нам всем, особенно остро воз-

ЗАМЕТКИ АКТРИСЫ

никнет за границей и дает какую-то особую, необычайную силу. Хочется быть достойным всех тех, кто остался дома. Это чувство не покидало нас на всем протяжении гастролей, оно стимулировало нашу работу, хотело сделать все как можно лучше.

Отмечать Париж с его совершенно неповторимой гаммой красок, с его толпой, искрившейся жизнерадостностью, я не берусь. Сделать это точнее, чем сделала сама французы и наш Эрехбург, по-моему, невозможно. Все эти описания хорошо известны и являются своего рода путеводителем для туристов.

Прежде всего мы посетили кляд-бонне Пер-Ланж и долго молча стояли у Стены Коммунаров. Мы побывали в Соборе Парижской богородицы, в Лувре, в Версале; ели вкусный суп на парижском рынке, словом, делали все, что обычно делают прибывшие в Париж туристы.

Итак, я снова попала в Золотое фойе «Гранд-опера». Здесь проходили наши уроки и репетиции. Это фойе как бы служит продолжением сцены театра. Оно не очень велико по размерам. Но я мне очень многого брону в память. В особо торжественных случаях задний, отделяющий фойе от сцены, поднимается, и таким образом сравнительно небольшая сцена «Гранд-опера» увеличивается.

На первом же уроке в Золотом фойе буквально негде было повертнуться. Сюда пришли старые балерины, артисты балета труппы «Гранд-опера», журналисты, фоторепортеры. Только после того, как они устроились у стен, Н. Дудинская смогла начать урок. С этого дня все наши уроки и репетиции фактически превратились в показательные спектакли, на которые собиравались артисты.

Настал день премьеры. Мы открыли гастрол «Спящей красавицей» Чайковского и Пегина. Успех спек-

такла нарастал от акта к акту. В последнем, четвертом акте он превзошел все наши ожидания. Температурные парижане долго не отступали нас со сцены. Поднесли несколько корзин цветов. По окончании спектакля задний, отделяющий Золотое фойе от сцены, был поднят, и нас пригласили являться в шесть открывших гастролей. А наутро мы уже читали рецензии на первом спектакле. Большинство критиков отнеслось к нему очень доброжелательно.

Так началась наша жизнь в Париже. Мы танцевали почти каждый день, а все свободное время занимали экскурсиями и встречами с самыми разными людьми.

Эти встречи наполняли наши сердца гордостью и радостью: мы видели, что парижане тянутся к нам, посланцам Страны Советов, всей душой. Очень велик интерес французов к нашей стране, но знают они о нас до обидного мало.

В Париже мы познакомилась с известной киноартисткой Татьяной Влад. Ее сестра Мария Влад, тоже киноартистка, знакомая нашим зрителям по фильму «Колдуша». Мы несколько раз встречались с Татьяной, были у нее дома, вместе гуляли по Парижу. Она рассказывала нам о том возмущении, которое вызвало у парижан запрещение гастролей в 1964 году. Но больше в этих беседах приходилось говорить нам, отвечая на ее бесконечные вопросы о Советском Союзе. Влад интересовалась абсолютно все.

То же самое можно сказать и о рабочих, касаясь известных парижских предпринимателей. Правда, многие из них состоят из чужбных обществ «Франция — СССР», посещают различные выставки, смотрят наши кинофильмы. Но все эти встречи и просмотры не могут удовлетворить их интерес к жизни Советского Союза. Именно этим, как видно, объясняется та жадность, с которой они впитывают каждое слово о нашей стране, то внимают, с каким они отнеслись к нам.

Однажды мы заблудились в ста-

рых кварталах Парижа и обратились к вопросу, как пройти к гостинице. С нами пошел какой-то прохожий. Но не успели мы сделать и нескольких шагов, как нас уже сопровождала толпа рабочих, выходящих из дверей небольшой фабрики. Нам показывали дорогу, а мы в это время давали настоящую пресс-конференцию, отвечая все на те же вопросы: приедет ли Гагарин в Париж, как живут рабочие в Советском Союзе, какова зарплата у машинистов экскаваторов, и на многие, многие другие.

Как-то примерно в середине гастролей мы были приглашены в клуб любителей балета. Есть в Париже такая общественная организация, которой руководит известная балерина Дорисваль. Нас очень радушно принял в этом клубе. Завязалась оживленная дружеская беседа на профессиональные темы. Мне помню, что из наших актеров спросил у любительской хозяйки, что сейчас делает когда-то знаменитая русская балерина Преображенская. В Париже ли она? Мы были несколько удивлены, не увидев ее на наших спектаклях.

Ответ нас всех очень огорчил. Оказывается, одно из последних заседаний членов клуба как раз было посвящено Преображенской. Она тяжело больна, у нее нет никаких средств к существованию. В больницу ее положили на деньги клуба любителей балета. Сейчас она чувствует себя лучше. Пора выбрать ее из больницы, надо начать лечение, чтобы она заблудилась о престарелой артистке, но на это денег нет ни у Преображенской, ни у клуба. Что делать дальше, они так и не решили. Так заканчивают свои дни парижские русские балерины, заброшенные судьбой на чужбину. Какое трагическое завершение биографии!

Вторая половина гастролей проходила во Дворце спорта и по-прежнему сопровождалась овациями. Наши выступления предлагали продлить, но это было невозможно — нас ждал Лондон.

Итак, Лондон — город дождей и туманов после солнечного, жизнерадостного Парижа, город кьерков и банюков... Все эти представления о Лондоне сошлись у нас без повода английской литературы. Как-то нас здесь встретил Полуботкин лондонцы, которые в нашем воображении были более сдержанными, чем французы, наше искусство.

И тут надо сказать, что нас постигло приятное разочарование. Лондонские зрители оказались страстными любителями балета, горячими, приветливыми, доброжелательными. И в то время, когда Королевский балет Великобритании демонстрировал свое мастерство в Ленинграде, мы, ленинградские артисты, встречали самый разлуший прием в Лондоне.

Мы выступали в Ковент-гарден театре. Он находится рядом со знаменитым Ковент-гарденским рынком, где можно встретить представителей самых различных слоев населения — рабочих, мелких служащих, чиновников. Через два дня после начала гастролей нас знали буквально все, с кем мы встречались, неподалеку от театра. Надо было видеть, как они радушно улыбались, приветствовали нас воскаланиями и жеманьями.

А вот что произошло на одном из последних представлений. В программу концерта была включена «Сенья» из балета В. Соловьева-Седого «Тарас Бульба». Но здесь я лучше проинструкту, что писала об этом спектакле газета «Файншолл таймс»: «И в массе и каждый отдельно, танцовщики Театра имени Кирова показывают такое мастерство, такую силу темперамента, что артисты совершенно покоряют. Через четверть часа, после того как оу-стались занавес, Александр Липшиц должен был повторить свое необ-

чайно яркое соло. Так как оркестр уже разошелся, аккомпанементом ему служили хлопки зрителей и танцовщиков. Зрители не расходились еще полчаса. Олег Соколов и Юрий Соловьев, любимцы лондонской публики, в танцах калезов показали не обычную красоту мужского тапца и такую несомненность в воздухе, которая досталась только великим танцовщикам».

Жители Лондона оказались не только эмоциональными, но и мыслительными, квалифицированными зрителями. Лондонские газеты уделяли нам очень много внимания. На другой день после каждого нового балетного спектакля буквально все газеты пестрели заголовками и фоторафиями. Приведу еще несколько отрывков из рецензий.

«Каков же действительно ленинградский балет? — писала критик газеты «Дейли мейл». — Если судить по первому спектаклю («Камеяный цвет»), то я уже могу безоговорочно сказать, что он действительно очень хороший. Это — одна из лучших балетных трупп мира... Балет исполняется так искренне, с такой убежденностью, что временами он очень драматичен, трогателен, весел и всегда живой. И какие тансы! Алла Сизова — Катерина и ее волютабильный — Юрий Соловьев — это две выходящие новые звезды. Он мужествен, силен, с легкостью проводит самые сложные подлержки, молот, романтичен и прыгает так высоко и так легко, что я вряд ли могу вспомнить кого-нибудь, кто бы с ним сравнялся. Она очень лирична, женственная, легка, пластична, тонкая актриса, музыкальна... Сильная, блестящая Алла Осипенко; ораворательная, игривая Галина Кекшова; Анатоль Саволов и Генслер в тане шпигель олеы артистичны и темпераментны. Я не знаю, кем мне больше восхищаться. А кардебалет, который в спеле ярмарки буквально захватил зрителей. Когда мы увидели дей-

градских актеров, мы поняли, что это не труппа без звезд, как некоторые думали раньше, а труппа звезд».

А вот, что писала газета «Таймс»: «Стял этой труппы не сразу обнаруживается артистем, и наиболее радостным в этих гастролех было постепенное раскрытие богатства школы Кировского театра. Это главным образом классическое искусство, легкое, уверенное, гармоничное... Танцовщики очень музыкальны, их осанка очень благородная, у них бесшумные, мягкие прыжки, их линия очень выразительна... Мы изеемся, что в следующие посещения Лондона, и возможно оно будет очень скорым, балетная труппа Кировского театра позвакомит нас с современными произведениями, которые будут столь же интересными и значительными, как и классический репертуар этого театра».

Что такое английский темперамент, мы увидели не только на наших представлениях, но и на улицах, когда Лондон встречал Юрия Гагарина. На витринах всех магазинов, на окнах — всюду были наклеены обошедшие весь мир фотографии первого советского космонавта, улыбающегося миру. Лондонцы часами стояли на улицах, ожидая выхода Гагарина из дома или его проезда на улице. Это было очень похоже на то, что мы видели в Москве, на то, что происходило в Праге, в Варшаве.

Мне хотелось рассказать о самом главном. Нас принимали всюду очень и очень тепло. Не только потому, что мы старались хорошо танцевать, а прежде всего потому, что мы были из Страны Советов, из страны мира.

А о мире сегодня мечтают и за мир сегодня борются простые люди Парижа и Лондона.

И. ЗУБКОВСКАЯ,
народная артистка РСФСР
Юль 1961 г.